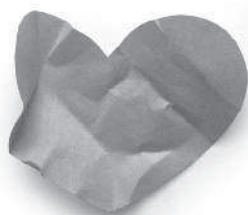

К.Р. Миллер

НИКТО

не узнает

БОМБОРА™

Москва 2019

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44
М60

Kimberly Rae Miller
COMING CLEAN

© 2013 by Kimberly Rae Miller

Jacket art and design by Lynn Buckley
Author photograph © Chris Macke
All right reserved

Миллер, Кимберли Рэй.

М60

Никто не узнает. Разве вы не притворяетесь нормальными? / Кимберли Рэй Миллер ; [пер. с англ. Т. Новиковой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-098046-8

Кимберли Миллер ходит с тобой в школу. Сидит за одной партой. Она — твоя лучшая подруга. Симпатичная и умная. Прекрасная компания для домашних вечеринок. Всегда готова выслушать и обсудить твои проблемы.

Но ничего не рассказывает о своих. Никогда не зовет в гости. А если ты без приглашения сама придешь к ней домой и постучишь в дверь... Тебе скажут, что никогда не слышали и не знают, кто такая Кимберли Миллер.

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Новикова Т., перевод на русский язык,
2019

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-098046-8

*Ким в девять лет.
С разрешения семьи Миллер*

*Посвящается маме и папе.
Я люблю вас больше всех на свете*

То, чего мы стыдимся, о чем боимся сказать,
вовсе не отделяет нас от других. Стоит лишь рискнуть
и рассказать об этом, и мы станем едины.

Звездный ястреб (комиксы Marvel)

НИКТО НЕ УЗНАЕТ

ИСКУССТВО ПИСАТЬ «А»

У меня есть коробка, в которой я храню все открытки, подаренные на дни рождения и по другим поводам. Это воспоминания, знаки любви и внимания от друзей и близких.

Я открываю коробку только, чтобы подложить туда новые открытки. И почти никогда не пересматриваю старые. Но мне приятно знать, что они там лежат, это невидимые ниточки, соединяющие меня с любимыми людьми, и потому я никогда не выброшу свои открытки.

Так что я отчасти понимаю отца. Он любит бумагу и ручки, радио и все сломанное; то, что стоит недорого, и вещи, которые напоминают ему обо всем, что он когда-то любил. А еще те, что напоминают ему обо мне и о том, что я когда-то любила. Для него так же невозможно расстаться со всем этим, как для меня невыносима мысль о расставании с моими открытками. Он придумывает сотню разных применений сломанному радиоприемнику и статьям, которые он еще не прочитал в *New York Times* девятилетней давности. А какие воспоминания связаны у него с огрызком фиолетового карандаша, которым он делал заметки в своем ежедневнике! Однажды я вернулась из школы вся в слезах, пото-

НИКТО НЕ УЗНАЕТ

му что никак не могла написать строчную «а». Я устроилась у него на коленях, и мы вместе несколько часов выводили «а», пока у меня не начало получаться. В тот день у него в руках был тот самый огрызок фиолетового карандаша!

Мой отец — барахольщик. Я произношу это слово, и глаза у людей удивленно расширяются. Может быть, они знают каких-то барахольщиков, а может быть, когда-то называли так своего неаккуратного соседа по общежитию. Но слово это прочно укоренилось в нашей разговорной речи.

Сегодня мы слышим его сплошь и рядом, но само понятие относительно новое. Когда я росла, никто не объяснял, почему мой отец так любит всякие вещи. Мне казалось, никто в мире не живет так, как моя семья. Никто из моих друзей не отводил целые комнаты своего дома под вещи, не складывал на диваны и кровати груды одежды, бумаг и разных мелочей и не перебирался сидеть и спать в другие места.

Я потыталась забыть о доме сразу же, как только его покинула, — в восемнадцать лет. Просто решила его не вспоминать. К тому времени родители уже жили в новом доме — захламленном, но не до такой степени, как старый. А потом, после восьми лет сознательного отказа от воспоминаний, когда я уже жила аккуратной, чистой взрослой жизнью, меня стали мучить кошмары.

В этих кошмарах я всегда готовлюсь убираться. Не знаю, с чего начать, и поступаю так, как делаю всегда,

когда хочу уклониться от работы: чем-нибудь перекусываю. Однажды мне приснилось, что я босиком спускаюсь вниз, иду по коридору, потом через комнаты и захожу на кухню. Чувствую под ногами размокшие газеты — почти такое же ощущение, как мокрый песок на берегу океана. На цыпочках иду по мусору, понимая, что среди гор старых газет и одежды можно напороться на что-то острое. Пробираюсь на кухню, точно зная, что не буду открывать холодильник. Он стоял заброшенным много лет, и сейчас в нем нет ничего, кроме гнили. Поэтому я открываю шкаф с упакованными продуктами. В хлебнице лежит батон, но он весь покрыт плесенью и отвратительными личинками. Лапше быстрого приготовления ничего не делается, думаю я, но, открыв упаковку, вижу и там гадких жучков.

Жучки меня не пугают — они и в детстве меня не пугали. Я ставлю упаковку лапши на стойку. Не выбрасываю ее, потому что в этом нет смысла.

Действие моих кошмаров не всегда происходит на кухне — иногда в ванной, коридоре или гостиной. Каждая комната захламлена по-своему, но одно остается неизменным: я всегда стараюсь понять, как это все произошло и как с этим справиться.

Такие сны будят меня посреди ночи. Мозг не всегда справляется с телом. Проходит пара минут, прежде чем я понимаю, что нахожусь вовсе не в доме в хорошем пригороде Лонг-Айленда, где выросла, а в маленькой, аккуратной бруклинской квартирке, которую называю домом всю свою взрослую жизнь. Тогда мне сразу же

НИКТО НЕ УЗНАЕТ

хочется позвонить маме. Она, пожалуй, единственный человек, который понимает, как глубоки эти шрамы. Мне нужно, чтобы она сказала, что это больше не моя жизнь и никогда моей не будет.

Я знаю, что она это скажет, а потом будет извиняться, как делает всегда. Она извиняется, сколько я ее помню, но я никогда не могу простить ее так, чтобы она сама простила себя. Она всегда боялась этих снов, боялась, что они станут последней каплей и я перестану любить ее. Она предупреждала меня: «Когда-нибудь ты больше не сможешь притворяться, что все хорошо, и возненавидишь нас».

Мама чаще бывает права, чем не права. Да, нельзя считать, что все хорошо. Воспоминания живут со мной. Они там, куда я поместила их много лет назад. Но человек в них — вовсе не я. Эта девушка больше похожа на мою младшую сестру, на кого-то близкого, кому я хочу сказать, что ее мир будет лучше и чище. Я была там, видела это, и там все будет хорошо — для нее.

Но в одном мама ошибается: я вовсе не ненавижу ни ее, ни моего отца. Да, я помню грязь, крыс и хлам. Но помню и родителей, которые любили меня. Несовершенных, но любящих всем сердцем людей, которые дали мне все, что у них было. И гораздо больше.

Кимберли Рэй Миллер

ЮЖНЫЙ БЕРЕГ

За его спиной висел потрепанный рюкзак, к которому были привязаны два больших пластиковых пакета. Они раскачивались в такт его шагам. Я сразу поняла, что он бездомный, и все время, пока мама тянула меня к нашей платформе, оборачивалась, чтобы лучше его разглядеть.

Он шел по вокзалу Пенн, на ходу поедая кусочки курицы из коробочки KFC. Интересно, чем он за них заплатил?

Заметив, что я смотрю на него, он протянул мне коробку с цыпленком, предлагая поделиться. Я тут же отвернулась и побежала за мамой. Больше не оглядывалась, но всю дорогу до дома думала об этом человеке.

— С тобой все хорошо? — спросила мама, наклоняясь и целуя меня в лоб. — Температуры вроде нет...

Обычно я была шумным и энергичным ребенком, особенно дома, с родителями. Когда молчала больше нескольких минут, они сразу думали, что я заболела.

Я кивнула, показывая, что все в порядке. Хотя это было не так. Я не заболела, но была в смятении. Это было что-то другое. Тот человек на вокзале, потрепан-